

Цай Цзяфэн, Е Лэй, Тао Юань

От «юродства» к русской литературной классике

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_341

《圣愚之维:俄罗斯文学经典的一种文化阐释》(2013) 王志耕,北京:北京大学出版社 2013, 430页。

Ван Чжигэн. Эстетическое измерение юродства: культурная интерпретация классики русской литературы.

Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2013. — 430 с.

В монографии Ван Чжигэна рассматривается связь (на эпистемологическом, методологическом и аксиологическом уровнях) между культурой «юродства Христа ради» и русской литературной классикой. Книга состоит из четырех частей.

Первая (главы 1–3) представляет собой общий обзор происхождения культуры юродства, ее исторического развития в России и ее воздействия на формирование ключевых черт русской литературы. Проследивая генезис феномена юродства в европейской и русской традициях, его связь с национальной культурой и роль в становлении художественного сознания, автор показывает значение этого феномена в истории русской словесности.

В первой главе автор рассматривает истоки и эволюцию культуры юродства как в европейском, так и в российском контексте. Безумие с древности наделялось священным значением в ранних религиях человечества; в иудаизме и раннем христианстве зафиксированы случаи связи безумного поведения с религиозной верой. Уже в Новом Завете безумие и глупость приобретают черты юродства Христа ради, а в Первом послании к Коринфянам закрепляется его канонический образ, что заложило богословскую основу для институционализации юродства в христианской церкви.

Монашество становится системной основой формирования института юродства. Ранние формы аскезы включали как отшельничество, так и общинное монашество. Среди первых монахов появляются и юродивые, например Исидора Египетская, которая, притворяясь безумной, стремилась к духовному очищению. Ее житие стало образцом для дальнейшего развития традиции юродства. Хотя в католичестве не сформировалась полноценная традиция юродства, фигуры, подобные Св. Франциску Ассизскому, оказывали заметное влияние на формирование русского религиозного и культурного сознания. В конце IV века, после признания христианства государственной религией Римской империи, в Европе возникают спонтанные аскетические сообщества, заложившие предпосылки для специфических форм юродства. Особенно тесна связь между юродством и кельтской монашеской системой в Ирландии, где феномен юродства претерпел своеобразные трансформации в рамках раннего монашества. Тем не менее с наступлением эпохи Возрождения представления о безумии постепенно маргинализируются, а феномен юродства не получает дальнейшего институционального развития в культуре Западной Европы.

Во второй главе автор рассматривает развитие юродства в России. Русская культура унаследовала византийскую традицию юродства Христа ради, находясь

в тесной взаимосвязи с идеалами монашеского подвижничества. Хотя в византийский период юродство не было официально признанной формой обожествленной веры, в церковной традиции зафиксированы примеры благоговейного отношения к безумию как форме подвижничества. К числу таких фигур относятся Св. Симеон юродивый и Св. Андрей юродивый — личности, оказавшие значительное влияние на формирование российской традиции юродства.

На территории Древней Руси также существовали аскетические формы юродства. Одним из первых документированных русских юродивых считается Исаакий Печерский из Киево-Печерского монастыря, чье житие восходит к XI веку. К XVI столетию феномен юродства становится все более распространенным, а упоминания о юродивых все чаще появляются в житийной литературе и Четьих-Минеях. Показательным примером является Прокопий Устюжский — первый настоящий русский юродивый.

Основой юродства является его религиозно-аскетический дух, однако в русской традиции он тесно переплетается с местными шаманскими практиками. Это проявляется в характерной одежде, психофизических состояниях, а также в особом воздействии юродивых на народное сознание.

В третьей главе автор анализирует влияние культуры юродства на русскую литературу. Культура юродства характеризуется двойственностью безумия и набожности, под ее воздействием русская литература приобретает две основные черты — отрицание и утверждение. Отрицание проявляется в отказе от мира, отрицании «знания» и светской власти. Например, образ «лишнего человека» в каком-то смысле является воплощением идеи юродства, где через скитания и противопоставление светским нормам утверждаются духовное бессилие и отказ от земных ценностей.

Культура юродства также отвергает рационалистический историзм, подчеркивая ценность индивидуальной жизни. В русской литературе эпические произведения часто изображают историческое развитие как результат совместных усилий отдельных личностей, а не как закономерный процесс. Отрицание в русской литературе ярко выражено также в критике светской власти.

В то же время культура юродства перекликается с христианской этикой «нищеты духа», основой которой является отказ от собственного «я». В русской литературе как у простых людей, так и у аристократов любые формы отречения от себя или «блуждания» можно воспринимать как проявление этой этики. Важным аспектом влияния юродства на литературу является то, что оно наделяет русскую литературу уникальной художественной напряженностью, например через поддержку эстетического удовлетворения, самоиронию и весьма значимые повествования в малых формах.

Русская литература также демонстрирует тенденцию к отсроченному и драматически резкому изображению страдания, что имеет сходство с концепциями юродства. Кроме того, форма смеха в русской литературе отличается от западноевропейской, являясь интроспективной и ориентированной на очищение духа. По мнению автора, в целом русская литература сохраняет свой фундаментальный религиозный взгляд на мир, поддерживая веру в божественное начало человека, в приход Христа и наступление царства небесного.

Вторая часть (главы 4–8) посвящена анализу связи между культурой юродства и русской литературой. Рассматриваются такие ключевые аспекты, как отрицание рационалистического знания, выход за пределы исторического времени, противостояние пошлости и сопротивление тирании.

В четвертой главе автор утверждает, что культура юродства проявляется в русской литературе через такие черты, как «лишность», разрушительность, скитание

и отсутствие корней у персонажей. Образ «лишнего человека», например Онегина, отличающегося противоречивым и парадоксальным поведением, является выражением юродства.

Многие русские писатели, например А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и И.С. Тургенев, под влиянием культуры юродства создают образы бродяг и скитальцев. Одним из ярких примеров является образ Рудина, чье скитание символизирует отказ от светских норм и поиск смысла жизни. Доктор Живаго проявляет «отсутствие корней» в отношениях как с родными, так и с женщинами. Его бессмысленная жизнь и смерть являются высшим выражением смысла существования без корней.

В пятой главе автор стремится продемонстрировать, что в рамках российской религиозной культуры рационализм воспринимается как человекобожие, и русская литература стремится отрицать эту тенденцию. Ф.М. Достоевский полагал, что расширение человеческого разума приводит к замене «Богочеловека» на «человекобога», при этом знание становится источником греха, как это видно на примере мыслей и поступков Раскольникова и Кириллова. Русская литература с помощью культуры юродства пытается уравновесить рационализм, при этом юродство воспринимается как высшее проявление разума. Образы таких персонажей, как князь Мышкин и Девушкин, воплощают идею спасения через сумасшествие, через бессмысленное поведение, которое ведет к Христу. Мышкин сочетает безумие и святость, а его любовь имеет спасительный смысл. Он сохраняет в себе черты ребенка, что символизирует первобытную божественность человека, представляя собой форму человеческого спасения.

В шестой главе автор пишет, что историзм в российской культуре связан с богословской телеологией, а культура юродства играет роль в деконструкции исторического взгляда, основанного на рационализме. Безумное мышление разрушает линейность и эволюционную логику истории, предоставляя субъекту духовную свободу. Как утверждал Л.Н. Толстой, истинная жизнь человека существует в настоящем, и следует стремиться к духовной свободе.

Влияние культуры юродства на российскую литературу также выражается в отрицании идеи о том, что герои создают историю. В своих произведениях Толстой демонстрирует важность малых людей в историческом процессе.

Русская литература также оспаривает концепцию «большой истории». В «Тихом Доне» М.А. Шолохова маленькие люди оказываются в центре трагических событий, развертывающихся на фоне великой истории. Образ Григория Мелехова является примером юродивого характера; он борется с силами исторической неизбежности, что демонстрирует ценность духовной свободы личности.

В седьмой главе автор анализирует влияние западного рационализма на Россию в XIX веке, которое привело к появлению образов рационального сверхчеловека и рационального обывателя. Рациональный сверхчеловек, как Кириллов, пытается с помощью самоубийства подтвердить волю Бога, но в конечном счете терпит неудачу, что подтверждает трагизм сверхчеловека. Образ помещика в произведениях Н.В. Гоголя представляет собой раннее проявление рационального обывателя: его дух угнетен, а жизнь становится банальной. Гоголь в своих произведениях раскрывает опасность подобной пошлости. А.П. Чехов же более глубоко исследует процесс отказа от ответственности и перехода к пошлости под воздействием разума. В ответ на пошлость Чехов в своей литературной практике создает психически больных персонажей, таких как Васильев из «Припадка» и Ковриков из «Черного монаха», которые через безумие выражают сопротивление действительности и стремление к спасению души.

В восьмой главе автор исследует, как юродивые Николай Псковский и Арсений Новгородский, обличавшие Ивана Грозного, воплощают дух сопротивления, при-

сущий культуре юродства. Подобное сопротивление оказало значительное влияние на традицию противостояния тирании, свойственную русской интеллигенции. Антигириническая позиция русских мыслителей тесно связана с их религиозными убеждениями: произведения А.Н. Радищева и Пушкина выражают протест против деспотии и стремление к свободе, П.Я. Чаадаев и Л.Н. Толстой подвергли государственную власть критике. В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» через образы Понтия Пилата и Мастера раскрывается трусость человека перед властью и зловещая природа тирании, но вместе с тем показано, что в душе человека сокрыта божественная искра, дающая надежду на спасение. Иван Бездомный в романе сохраняет веру в Бога, но в мирском обществе его считают безумцем, что иллюстрирует тему сопротивления тирании и духовного стоицизма.

В третьей части (главы 9–11) исследуется своеобразие повествовательных структур и нарративных моделей, демонстрирующих, каким образом культура юродства влияет на формальные параметры литературного текста, включая композицию, жанровую природу и стиль.

В девятой главе автор ставит себе целью показать, что смех в русской литературе тесно связан с культурой юродства. Юродивые через преувеличенные жизненные установки и поведение демонстрируют две тенденции смеха — насмешку над миром и самоиронию, цель которых — достичь состояния кенозиса и общения с Богом. В произведениях русской литературы этот смех проявляется как внутренняя, направленная на себя ирония: писатели превращают свои недостатки в объект насмешки, стремясь к духовному очищению, чему характерным примером служат произведения Гоголя. «Смех сквозь слезы» стал отличительной чертой гоголевского творчества: он направлен не только вовне, но, что важнее, имеет и рефлексивный аспект, побуждая осознать свои грехи. С точки зрения духа комедии, гоголевская сатира направлена на пробуждение души, а его «честное лицо» — это смех, который служит предупреждением против мирской пошлости и греховности, являясь неотъемлемым путем к спасению.

В десятой главе автор анализирует связь изображения страдания в русской литературе с традицией юродства, где состояние страдальческого подвижничества становится важным художественным мотивом. Это проявляется в тенденции к торжожению и драматизации повествования, что наиболее характерно для романов Достоевского. Его творчество нередко называют «искусством мазохизма», что связано как с его юродивым аскетизмом, так и с глубоко укорененным психологическим комплексом страдания. Достоевский считал, что через страдание человек может приблизиться к Богу, а «страдание искупает зло» — эта идея придает его романам нарративную особенность затягивания развязки: откладывание разрешения драматических ситуаций ведет к постепенному накоплению страдания, усиливая у читателя ожидание конечного блаженства.

Кроме того, романы Достоевского характеризуются резкими драматическими поворотами и моментами эмоциональной разрядки в кульминационных сценах. Так, в «Идиоте» решение Настасьи Филипповны приводит к резкому изменению сюжетной линии, создавая мощный конфликт чувств. Подобные элементы повторяются в разных произведениях писателя, формируя особый ритуал юродства в литературе. Через описание страдальческой психологии Достоевский вкладывал в свои произведения энергию, радость и надежду, а в пространстве духовного диалога с Богом находил для себя высшую опору.

В одиннадцатой главе автор приходит к выводу, что русская литература на уровне формы может выглядеть как микроповествование — с акцентом на частную, субъективную позицию героя, с упором на личную историю и ее текстуализацию. Однако, по сути, такие тексты сохраняют внутреннюю связь с макроповествова-

нием — они несут в себе ценностные ориентиры и метафизические установки, характерные для «большого» нарратива: стремление к истине, духовному целому, к ответам на предельные вопросы человеческого существования.

Рассматривая тип антигероя, можно отметить, что «лишний человек» и «человек из подполья» внешне выглядят укорененными в нигилизме и саморазрушении, но на более глубоком уровне они сопротивляются утрате смысла, стремятся к духовному наполнению, отрицают мирскую жизнь и воплощают русскую литературную традицию поиска духовной целостности.

В русской классической литературе многие произведения, формально утверждающие авторскую позицию, в итоге ведут к макроповествованию. Так, роман «Мастер и Маргарита» через диалог о существовании Бога раскрывает эсхатологические мотивы и тему спасения, а «Раковый корпус» Солженицына деконструирует светскую телеологию, одновременно создавая метафизическую телеологию, утверждающую ценность любви и жизни.

Полифония является философским обобщением микроповествования: Бахтин анализировал романы Достоевского с точки зрения философии карнавала, но не учитывал традицию русской религиозной культуры. Однако карнавальная природа русской культуры восходит к традиции юродства, и нарратив Достоевского следует рассматривать в контексте русской религиозной мысли. Хотя в его произведениях присутствует мотив разрыва между человеком и Богом, этот разрыв все же находится внутри религиозного дискурса и неизбежно ведет к конечному абсолюту — Богу. Таким образом, формальная структура микроповествования в русской литературе в конечном счете возвращается к истине макроповествования.

В четвертой части (главы 12–15) автор анализирует репрезентацию юродства в литературных произведениях, его влияние на выражение нигилизма, способы существования героев, авторские перспективы и тематизацию спасения.

В двенадцатой главе автор рассматривает соотношение между русским нигилизмом и культурой юродства, отмечая, что нигилизм в юродстве проявляется как всестороннее отрицание, доведенное до самоотрицания.

Образ Базарова у Тургенева является типичным примером нигилистической личности. Чехов также демонстрирует нигилистическую тенденцию, отвергая доминирующие идеологические позиции своего времени и придерживаясь в творчестве принципа внепартийности. Его произведения внешне нейтральны, но содержат глубокую критику общества и человеческой природы, а также подчеркивают важность ответственности.

Своеобразная форма юродского нигилизма в русской литературе проявляется и как жизненная стратегия. Так, Иван Денисович у Солженицына, находясь в лагерных условиях, выживает, следуя модели юродского существования: он подчиняется страданию, избегая рационалистического подхода к жизни, и находит опору в вере и духовной радости.

В тринадцатой главе автор стремится продемонстрировать, что существование юродивого представляет собой форму изгнания, а тема бегства и возвращения занимает важное место в творчестве русских писателей.

Тургенев, покинув дворянскую усадьбу, воспринимал Россию как духовную родину, несмотря на свое пребывание за границей. Поздний Толстой, оставивший дом, совершил бегство как итог многолетних духовных поисков, воплощая стремление к высшему духовному пространству. Чеховская поездка на Сахалин стала ключевым событием его «изгнания», повлиявшим на трансформацию его души и создание литературного мира, в котором выражается желание покинуть обыденность.

Доктор Живаго постоянно стремится уйти от своей профессиональной роли к миру поэзии, что символизирует стремление к духовной свободе и выход за пре-

дела мирского. Этот мотив бегства в поисках духовного измерения отражает традицию юродства в русской культуре.

В четырнадцатой главе автор делает попытку показать, что творчество русских писателей тесно связано с «вторым зрением» юродивых: в состоянии экстаза или безумия они обретают доступ к художественному пространству, воспринимая скрытые смыслы бытия. Так, Пушкин и Достоевский воплощают эту способность в своих произведениях. Гоголь считается писателем с «вторым зрением» — его творчество нередко оставалось непонятым современниками. Его полемика с Белинским отражает конфликт «первого зрения» и «второго зрения», противостояние рациональности и веры, реализма и стремления к духовному спасению.

Различие между творчеством классика китайской литературы Лу Синя и Гоголя заключается в том, что Лу Синь сосредотачивается на человеке в конкретных исторических условиях, тогда как Гоголь рассматривает человека через призму универсального спасения.

Персонаж Пастернака, доктор Живаго, также обладает «вторым зрением» — он воспринимает войну и историю с высшей, трансцендентной точки зрения. Для него искусство — это инструмент духовного спасения, позволяющий преодолеть материальные оковы и прикоснуться к высшей тайне бытия.

В пятнадцатой главе автор подводит итог, утверждая, что фундаментальная миссия русской литературы — это спасение человека, а юродивая традиция играет в этом ключевую роль. Спасительная природа юродства проявляется в отрицании, аскезе и возвращении к простоте.

Творчество Достоевского глубоко проникнуто культурой юродства. Он использует внутренний диалог персонажей, таких как Иван Карамазов, демонстрируя модель «вопрос — обращение — прозрение» как механизм оправдания веры. Достоевский также обращается к мотиву страдания, самоистязания и мученичества, как в образе Девушкина из «Бедных людей», показывая юродивую концепцию спасения: через принятие страдания человек приближается к Богу.

Кроме того, такие его герои, как князь Мышкин, воплощают отрицание рационального знания в пользу духовного постижения. Отказавшись от мирской «мудрости» и приняв «божественную глупость», они открывают путь к истинному спасению.

Специфика книги Ван Чжигэна заключается в том, что она выходит за рамки традиционного анализа литературных произведений через стилистические и социальные аспекты, а исследует юродство как культурное явление, выявляя его глубокую связь с русской классикой.